

М. Н. ГУБОГЛО

АНТРОПОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

М. Н. Губогло

АНТРОПОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 811.35
ББК 81.2
Г 21

Книга подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект: № 14.01.00372а. Экспедиционный проект: № 14.01.18081е
Издается при поддержке издательского проекта РГНФ № 16-01-16061

Рецензенты: Чл.-кор. РАН Ю. В. Арутюнян (ИЭА РАН, Москва)
Д.и.н. В. В. Карлов (МГУ, Москва), Д.и.н. В. П. Степанов (ИКН, Кишинев)

Губогло М. Н.

Г 21 Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 544 с.

ISBN 978-5-9907947-4-0

Исследование посвящено взаимосвязанным феноменам доверия и справедливости, с помощью которых решается проблема группового самоутверждения на личностном, региональном и институциональном уровне. Важными инструментами эффективности доверия и справедливости как качественного продукта социального капитала и миротворческой доктрины межэтнических отношений выступают, в частности, референдумы, проведенные в начале нового тысячелетия в Гагаузии, Крыму и Приднестровье.

С целью осмысления доверия в антропологическом плане и этнологическом аспекте в научный оборот вводится разработанный автором концепт добродетельности (от слова «добродетели»), означающий «класс добродетелей» — институты и принципы, правила и нормы «Грамматики жизнедеятельности» как нравственно-моральной и миротворческой основы традиционной народной культуры.

Источником и движущей силой доверия выступает стремление к справедливости, ради которой имеет смысл бороться за сохранение групповой самобытности и за самоопределение. Реальным и потенциальным катализатором и энергией борьбы за справедливость и самоопределение являются успехи преодоления исторических травм, движение против перезнанизации, сопротивление этнократической форме нациестроительства и позитивный опыт социального капитала.

Смыслом движений за самоопределение в каждом из трех обследованных регионов является стремление сохранить традиции русскоязычия и русскокультурия.

ISBN 978-5-9907947-4-0

9 785990 794740

УДК 811.35
ББК 81.2

© Издательский Дом ЯСК, 2016
© Губогло М. Н., 2016

Михаил Николаевич Губогло **АНТРОПОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ**

Ведущий редактор Е. Андреева, Корректор О. Ланцова
Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой

Подписано в печать 01.12.2016. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 44. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № госрегистрации 1147746155325. Phone: (495) 624-35-92.
E-mail: lrc.phouse@gmail.com. Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис». Тел.: +7 (499) 255-77-57,
e-mail: gnosis@pochta.ru. Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предупреждение типа исповеди: почему антропология?	7
Предисловие	19

Часть I. Историко-культурные и нравственные основания доверия и справедливости

Глава 1. Этнокультурные и исторические источники доверия и справедливости	31
Глава 2. Доверие добродетельству и добродетельство доверия (из опыта исследований этики в традиционной культуре гагаузов)	39
Глава 3. Доверие в этносоциологическом дискурсе	44
1. Постигание этноса: от субстанции к его изменениям	46
2. Историко-этнографическое картографирование — остановленное мгновение	48
3. Исследование современных этнических процессов — предтеча изучения динамичной этничности	50
4. Этничность: групповая (этнос) и индивидуальная (идентичность)	52
5. «Буридановы» проблемы этносоциологии: между неотрадиционализмом и импрессионизмом	56
6. Этносоциология и импрессионизм как методы познания повседневной жизни	59
7. Этносоциология в поисках этнокультурных параллелей	67
Глава 4. Доверие — важный ресурс этнополитического процесса	74
Доверие — важный ресурс этнополитических процессов. (Истоки постсоветской этнополитологии)	78
Заключение	99
Литература	104

Часть II. Из опыта этнополитического исследования доверия

Глава 1. Ущемленные интересы Гагаузии. Тренды напряженности между элитами Кишинева и Комрата	115
Глава 2. Исторические и нравственные основы доверия в традиционной культуре гагаузов	120
О ресурсах внутриэтнического единства гагаузов	123
Доверие в концептуальном и категориальном обрамлении	124
Этносоциологический взгляд	126
Доверие в смысловом поле соидентичности	132

Целование рук как знак доверия, уважения и деликатности	134
Dooruluk (притча о справедливости)	138
Заключение	146
Литература	150
Глава 3. Энергия, поэтика и этика борьбы за доверие	152
Краткая хронология подготовки референдума	153
Периодизация митингового движения за референдум	158
Этнокультурные и этнополитические параллели	160
Энергия и поэтика митингов	165
Растерянность, недоверие и агрессивность правящей элиты Кишинева	166
Глава 4. Зигзаги недоверия	168
Глава 5. Реальные и мнимые смыслы сепаратизма	179
Глава 6. Итоги референдума в Гагаузии — победа нарождающегося гражданского общества в Республике Молдова	192
Глава 7. Спустя два года (после референдума): гагаузы — этноменьшинство или этнопартнер в Молдове?	201
Заключение	211
Литература	216

Часть III. Референдумы доверия и доверие референдумам (этносоциологические исследования этнополитических процессов в Приднестровье. Фрагменты постсоветской истории)

Глава 1. Симбиоз этнической и региональной идентичности	245
Самоопределение региональной идентичности	245
Прорыв в решении «квадратуры круга»	248
Подходы к изучению этнорегиональной идентичности	252
Буджак: единый, хотя и разделенный	254
Референдум — правовая основа региональной идентичности	259
Языковая жизнь гагаузов и крымчан как смысловой текст	261
Компоненты традиционной культуры	264
Функции этнорегиональной идентичности	268
Выборы Башкана Гагаузии в 2015 году как текст	274
Этнодемографическая и этноязыковая панорама	278
Сфера образования	281
СМИ: пропаганда румынизма и русофобии	286
Наука	289
Язык делопроизводства и госучреждений	291
Политика и практика русофобии	291
Заключение	295
Литература	300
Глава 2. Самоопределение по-приднестровски	304
Глава 3. Региональная идентичность в контексте постконфликтных представлений	320

Глава 4. Этноязыковые аспекты этнополитических и этнорегиональных ориентаций	326
Глава 5. Референдум 17.09.2006 г.	330
Доктринальная основа тактики и стратегии проведения референдума	333
Восприятие референдума в общественном мнении	335
Глава 6. Гагаузия и Приднестровье — юго-западные форпосты Русского мира: ресурсы доверия	336
Языковые ресурсы «Русского мира»	341
Доверие и двуязычие как социальный капитал	357
Глава 7. Ресурсы доверия в сфере семейно-брачных отношений	381
Литература	390

Часть IV. Этносоциологическое исследование доверия (Опыт крымчан)

Предисловие	395
Глава 1. Европейский парад референдумов.	404
1. Накат этнорегиональной идентичности на рубеже веков	404
2. Виртуальные и реальные факторы в фокусе внимания европейских этнорегионалистов	411
Глава 2. Доктринальная основа и практики доверия и недоверия	425
Глава 3. Переменчивые смыслы, формы и основные этапы политики украинизации.	441
1. Историческое обрамление в этносоциологическом исследовании украинского нациестроительства	441
2. Доверие как доктринальная основа украинизации в 1920—1930 гг.	444
3. Смягчение курса украинизации накануне Великой Отечественной войны.	448
4. Парадокс Крымского референдума 16 марта 2014 г.	452
5. Факторы языковой жизни крымчан	456
6. Гражданская инфантильность и политическая апатия	460
Глава 4. Как все было: Крымская весна.	464
1. Эйфория референдума	464
2. Подготовка, цели и смыслы референдума	467
3. Технологии, условия подготовки, формат проведения референдума	473
Глава 5. Митинги доверия крымчан самим себе и В. В. Путину	476
Глава 6. Крымский референдум в кривом зеркале полемического дискурса о федерализации	482
1. О принципах и нормах справедливости в современном нациестроительстве	482
2. Меры противодействия властей	483
3. Позиция Москвы: помощь соотечественникам	484
4. «Крымская весна» в кривом зеркале международного сообщества	490
5. Регионы и региональная идентичность в дискурсе украинского нациестроительства	495

6. Политические ориентации крымчан.	496
7. Доверие референдуму как ресурс федерализации	499
Глава 7. Русский язык и вызовы федерализации	504
1. Идеология неоукраинизма в СМИ и художественной литературе.	504
2. О вкладе «бедных» и «богатых» регионов в ВРП Украины	507
3. Русский язык в культурном наследии украинского народа	508
4. Русский язык и поиски доверия	511
5. Векторы межэтнического раскола Украины.	515
Вместо заключения	521
Литература	531

ГЛАВА 1

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДОВЕРИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Русь — отчизна дорогая!
Никому не уступлю:
Я люблю тебя, родная,
Крепко, пламенно люблю.
<...>

В снеговой твоей природе
В православном алтаре,
В нашем доблестном народе,
В нашем батюшке-царе,
И в твоей святыне древней,
В лоне храмов и гробниц,
В дымной, сумрачной деревне
И в сиянии столиц.

Владимир Бенедиктов «К Отечеству и врагам его»

Для выяснения места доверия в системе нравственности необходимо знание общих механизмов его функционирования, которые являются особой формой развития традиционной народной культуры. Нравственность, можно сказать, выступает регулятором отношений человека с людьми и с самим собой. При этом нравственные оценки распространяются не только на отдельные поступки людей, но и на их устойчивые качества. В отечественной этнографии, имеющей многовековые традиции, а также в современной этнологии /антропологии положительные качества людей представляют добродетели, а не отрицательные пороки.

В этнографических трудах отечественных ученых, получивших мировое признание, не оставлена без внимания «бинарная оппозиция культуры и природы», «дома» и «дикого поля», «престижного—непрестижного», «сакрального—профанного», «равнинного—горного», «центрального—периферийного», положенная в основу теории бинарных оппозиций как локомотива адаптивной эволюции в культуре жизнеобеспечения, «бинарная оппозиция». Автор этой теории С. А. Арутюнов считает «бинарную оппозицию» присущей практически всему человечеству [Арутюнов 2012б: 381].

В соответствии с этой теорией установлено, что «практически любая традиционная культура сочетает в себе как экофильные, так и экофобные черты. <...> Почти всем традиционным культурам свойственна бинарная оппозиция культуры и природы, “дома” и “дикого поля”. При этом за домом закреплены благостные, сакральные коннотации, а за диким полем — коннотации демонические, связанные с опасностью. В них отражается ощущение враждебного противостояния человека и природы» [Там же: 381].

Анализ нравственных норм и системы этических категорий позволяет проследить, что в любой формальной и неформальной жизненной ситуации многообразие этических правил и предписаний сводится к простейшим бинарным моделям, которые можно, как считает А. А. Никишенков, представить формулой «доминирование—подчинение»: «лучше—хуже», «верх—низ», «перед—зад», «правое—левое», «центр—периферия», «мужчина—женщина», «старше—младше», «знатный—простой», «чужие—свои», «гость—хозяин», <...> «свойственник—родственник» [Никишенков 1999: 107—108].

В сюжетных линиях, в разнообразных жизненных коллизиях и ситуациях, изображаемых в художественной литературе, живописи и во многих других «зонах» культуры, встречается немало примеров бинарной оппозиции, играющих ключевую роль в раскрытии творческого замысла автора. Так, например, известный гагаузский поэт Тодур Занет пишет:

Тя о заман бян аннадым,
Ани дюнния ики чизи:
Бири кара — ежел ады,
Бири бийяз — Емюр изи.
[Занет Т. 1990:109]

Тогда я понял, наконец,
Что суть Вселенной — две черты,
Темной последний обозначен час судьбы,
Светлой — нашей жизни первые следы.
(Перевод М. Н. Губогло)

Знаменательно обращение к бинарной оппозиции еще одного известного гагаузского поэта и писателя Федора Мариноглу. Категоризация дня и ночи как двух крыльев времени позволяет метафорически точно представить еще одну важнейшую оппозицию — начало и конец жизненного цикла человека:

Дуннедя вар
Ики канат:
Бири — гежя,
Бири — гюндюз,
Салларкан оннары
О гечирер бизи
Яшаманын кенарына.
[Федор Мариноглу 1990: 170]

Вселенная двумя крылами:
Одно крыло — глухая ночь,
Другое — светлый день,
Уносит в бездну бытия,
Туда где мрак,
А жизнь как тень.
(Перевод М. Н. Губогло)

В переломные моменты истории, на разных ее этапах и фрагментах происходят, конечно, существенные изменения в обычаях, обрядах, церемониях, в этикете и в

драматургии жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Однако, этикет и доверие как особые сферы соционормативной культуры продолжают и сегодня служить, подобно «грамматике жизни», миротворческим интенциям и снижению турбулентности в социуме, смягчению возникающих противоречий, предотвращению и преодолению конфликтных ситуаций. Как составная часть соционормативной культуры и норм поведения народа этикет неоднократно привлекал внимание этнографов и этносоциологов [Байбурин 1988; Бгажноков 1983; Никишенков 1999; Байбурин, Топорков 1990; Семенов 1997; Громыко 1986].

В культуре и в ее нравственной системе добродетели и пороки находятся в отношении оппозиции, что означает, во-первых, что каждой добродетели противостоит «свой порок», во-вторых, число тех и других одинаково.

Нравственность представляет собой важный аспект исторически развивающейся народной культуры, важным условием существования которой служит гармония или дисгармония традиций и инноваций, закономерности проявления доверия и справедливости.

Нравственность как совокупность добродетелей, как и культура, выступает в форме дуальной (знание—незнание) оппозиции, несущей в себе два заряда с противоположными знаками: например, добро — зло, полезное — вредное, оптимизм — пессимизм, гнев — благодушие, правда — кривда и т. д. «Стоит выделиться какому-либо условию семиотического освоения мира, — считает Ю. М. Лотман, — как в рамках его тотчас наметится оппозиция» [Лотман 1977: 8].

Между концами шкалы от позитивного до негативного значения могут располагаться «ослабленные» значения той или иной добродетели. Так, например, если расположим на этой шкале отношение человека к тому или другому опредмеченному результату человеческой деятельности, то можем получить следующую оценку добродетели по нисходящей линии: скупость — бережливость — щедрость — расточительность.

Избыточным проявлением бережливости предстает скупость, щедрости — расточительность. В данном случае добродетельность превращается в порочность. Если щедрость не дополняется и не уравнивается бережливостью, она превращается в расточительность. Точно также и бережливость в отрыве от щедрости вырождается в скупость с пестрым букетом ее многочисленных вариаций: алчности, жадности, крохоборства и т. п. Приведенный пример, как считает автор ряда монографий и учебников по этике А. П. Скрипник, является оправданием пословицы о наших пороках, являющихся продолжением наших добродетелей [Скрипник 2004: 198].

Разговор о соотношении добродетелей и пороков, страстей и инфантильностей, начатый Аристотелем более двух тысяч лет тому назад, нашел интересное продолжение в наши дни в критике исторического опыта России и в изложении концепции дуализма нравственности, разработанной известным историком А. С. Ахиезером. «Основная оппозиция русской культуры, — отмечает А. С. Ахиезер в поисках ответа на вызовы времени и определения важнейших основ общественной жизни, — противопоставление добра и зла — выступает как борьба Правды и Кривды. Борьба Правды с Кривдой бескомпромиссна. Кривда побеждает на земле; потерпев поражение, Правда отлетает на небо и остается непобежденной в принципе. Борьба этих двух начал выступает как противоборство космических сил, противостояние противоположных субстанций. Синкретическая правда — внутренний принцип, закон мироздания, некая нравственная субстанция мира, абсолютное добро. Антитеза «Правда — Кривда» рассматривается в качестве одной из констант народного миро-

воззрения, сохранявших актуальность и после эпохи средних веков» [Ахиезер 1997, т. 1: 63].

Принципиальное значение дуальной оппозиции добродетелей заключается в порождении напряженности между ее полюсами, что служит катализатором осмысления каждого из них. В конечном итоге решается задача преодоления турбулентности и установления стабильности и уравновешенности. Эту напряженность как движущую силу в поисках смысла жизни и воспроизводства основ жизнедеятельности можно считать «двигателем истории». Интерес к дуальной оппозиции, лежащей в основе нравственности народной культуры, волнует исследователей еще со времен Аристотеля. Красноречива в этом отношении таблица, разработанная известным отечественным философом, автором многочисленных школьных и вузовских учебников, в том числе учебника по этике для студентов высших учебных заведений, П. С. Гуревичем.

Таблица соотношения страстей, добродетелей и пороков (по Аристотелю)

Страсть	Добродетель	Порок	
1	2	Избыток	Недостаток
		3	4
Себялюбие	Чувство собственного достоинства, благородство, самоуважение	Тщеславие, высокомерие, кичливость, спесивость, чванство	Самоуничижение, самоумаление
Удовольствие	Благоразумие, рассудительность, умеренность	Распущенность, невоздержанность, разнузданность	Бесстрастие (апатия), аскетизм
Страх	Мужество, смелость, храбрость	Трусость, робость, пугливость, малодушие	Дерзость, безрассудная отвага
Гнев	Ровность, кротость, выдержанность	Вспыльчивость, гневливость, свирепость, ярость	Благодушие, безгневность
Скорбь, печаль	Грусть	Уныние, тоска, отчаяние	Бесшабашность, разнузданность
Сострадание, жалость, благоволение	Милосердие	Жалостливость, сентиментальность	Жестокосердие, жестокость, бессердечность, черствость
Чувство собственности (обладание вещью)	Благотворительность, щедрость, бережливость	Расточительность, мотовство	Алчность, жадность, корыстолюбие, скарденность, скупость
Чувство откровенности, исповедальности	Искренность, чистосердечность	Болтливость, навязчивость, назойливость, развязанность	Лицемерие, притворство, скрытность
Желание нравиться	Естественность, благовоспитанность, простота	Жеманство, кокетство, чопорность	Грубость, дикость, неотесанность

Жизнелюбие	Благоговение перед жизнью, оптимизм	Восторженность	Угрюмость, пессимизм
Чувство гордости	Честолюбие	Надменность, гордыня	Смирение
Чувство родовой чести	Благородство	Спесь	Низость, под- лость, бесчестие

Если согласиться с пониманием конструктивной напряженности как движущей силы жизнедеятельности, то нравственная основа народной культуры обретает окраску социального феномена. «Дуальная оппозиция, — считает А. С. Ахиезер, — выступает как присущая не только процессу осмысления, мышления, но и социальным отношениям». Люди на всех уровнях социального целого членили себя на оппозиции. «Например, — как пишет Б. Ф. Поршнев, — даже для соседских деревень в дореволюционной России отмечалось наличие дуализма по той или иной сознательно акцентируемой этнографической детали» [Поршнев 1964: 7; Ахиезер 1997: 68].

Несмотря на то, что термины «нравственность», «этика», «мораль» употребляются в литературе и в повседневной жизни в одном синонимическом ряду, делаются безуспешные попытки разграничения их смысловой нагрузки. Так, например, в новейшем университетском учебнике под «этикой понимается наука (область систематизированного знания), а под моралью (нравственностью) — то, что она изучает, ее предмет (или объект). Попытка эта, — как считают авторы учебника, — хотя она имеет многовековую историю в целом не удалась <...> Сказать “этические нормы”, “моральные нормы”, “нравственные нормы” — значит сказать одно и то же» [Этика 2015: 12].

В наши дни, на заре нового столетия особенно значимо и значительно нравственная основа культуры проявляется в ряде частных фрагментов этносоциальной истории, в том числе на примере референдумов о самоопределении, о чем пойдет разговор ниже. Анализ баланса добродетелей как социальной реакции представляет необходимое условие изучения референдумов с целью понимания их как локомотивов человеческих действий, особенно массовых, которые по масштабам, направленности, интенсивности определяют ход этнической истории и состояние субстанции этничности. Активно действующая личность во времена «перезагрузки» добродетелей на принципах доверия и справедливости выступает творцом истории в рамках соответствующего сообщества.

Этносоциологические исследования, проведенные в 1970—1990-е годы ЦИМО ИЭА РАН, подтвердили известное со времен А. Смита высказывание о том, что добродетели имеют социальный характер, дополняемый нравственными чувствами. Высоко оценивая такие чувства (добродетели), как верность, справедливость, правдивость и ряд других, А. Смит вместе со своим единомышленником Дэвидом Юмом не находит возможным построить всю нравственность на основании пользы и обращается к чувству симпатии, что и составляет основу его «Теории нравственных чувств» [Смит 1997].

Для исследований, проводимых в концептуальной парадигме этническое— социальное, принципиально важным в осмыслении нравственных основ доверия было признание факта вознаграждений за проявленную или оказанную добродетель. «Если мы исследуем, — объяснял свою позицию А. Смит, — общие законы, по которым распределяются в этом мире добро и зло, то найдем, что несмотря на кажущийся беспорядок в этом распределении, каждая добродетель находит свое вознаграждение, и вознаграждение самое приличное для ее поощрения» [Там же].

Нуждается ли приведенная формула в наши дни в специальном подтверждении, когда труд вознаграждается успехами и признанием, а справедливость, добросовестность, человеколюбие — доверием?

Двудеиная сущность нравственных принципов как источников, вызывающих доверие, проявляется, во-первых, в определении того, в чем состоит добродетель, т. е. какой душевный склад и какой образ поведения заслуживают похвалы и поощрения, во-вторых, какая интенция или какая способность души заставляет человека отдавать предпочтение тому или другому поведению, называть одно явление добром, другое — злом, рассматривать одно заслуживающим одобрения и награждения, а другое как предмет порицания, неодобрения и наказания.

Слабая изученность смысловой и функциональной нагрузки добродетелей вызвана тем, что с каждой из них, будь то доверие, справедливость, совесть или стыд, почтительность или вежливость, трудно иметь дело как в политическом и социологическом, так и в эмоциональном плане. Они представляют собой интеллектуальную проблему, трудно поддающуюся логическому определению и социологическому измерению. Кроме того, каждая из добродетелей состоит в запутанных связях с политическими институтами, этническими категориями и нравственными принципами и нормами, с политическим и экономическим развитием.

Справедливость как одна из основ нравственной культуры и источник доверия отличается от других добродетелей тем, что соблюдение ее не предоставлено целиком на произвол человека. В жизни немало ситуаций, когда справедливость реализуется принудительно. Трудно отказать себе в удовольствии привести соответствующий отрывок из «Теории нравственных чувств».

«Мы строже связаны обязанностью руководствоваться справедливостью, чем дружбою, состраданием, великодушием; исполнение последних трех добродетелей предоставлено в некотором роде на нашу волю, между тем как мы чувствуем себя обязанными, связанными, вынужденными положительным обязательством поступать справедливо. Мы сознаем, что это может быть потребовано от нас и что насилие против нас в этом отношении будет встречено всеобщим одобрением. Ничего подобного мы не можем сказать о прочих добродетелях... Человек, нарушивший священнейшие права справедливости, не может подумать без страха, стыда и отчаяния о чувствах, которые он возбудил в прочих людях. По удовлетворении страсти, приведшей к его преступлению, когда он начинает сознавать свое поведение, он не может одобрить ни одного побуждения, руководившего его поступками. Он становится столь же ненавистным в собственных глазах, как и в глазах прочих людей; он побуждает к себе ужас в людях... Он страдает от одной мысли о положении, в которое он поставил себя, общественное негодование и что за этим должны естественно следовать мщение и наказание. Мысль эта проникает в глубину его души и наполняет его страхом и ужасом. Он не смеет смотреть никому прямо в лицо, он считает себя отверженным из общества и лишенным навсегда расположения людей. Всюду он видит одних только врагов, и он готов бежать в безлюдную пустыню, что только еще ужаснее для него, чем сообщество людей. Его преследуют самые ужасные, самые отчаянные мысли, предсказывающие ему собственную гибель и ничтожество. Страх, одиночество гонят его снова в общество... Вот в чем состоит угрызение совести, самое ужасное из чувств, посещающих сердце человеческое...» [Смит 1997].

Справедливость как моральное качество личности занимает особое место в системе нравственных чувств и поступков людей. Ее доктринальный статус как моральной категории, в отличие от справедливости как правовой нормы в системе ме-

жэтнических и межгосударственных отношений определяется тем, что моральное качество человека «не имеет верхнего предела». Нельзя быть «излишне справедливым», кроме как в некоей хронической или полущутливой ситуации. Подобно доброте, справедливость как этическая категория никогда не может быть «с избытком» [Скрипник 2004: 200].

Социальная природа добродетельства проявляется как в исторической перспективе, так и при сравнении, например, этики добродетелей и этики долга, как это сделано при исследовании обоснования морали с целью осмысления ее рационального содержания. По итогам исследования, имеющего междисциплинарный этико-социологический характер, для этики добродетелей характерны: «— телеологизм, включенность морали в структуру сложных действий; — партикуляризм (многие требования этики добродетелей формулируются в связи с конкретными качествами личности, требуемыми для выполнения различных видов общественной деятельности); — воздействие на процесс формирования способностей личности (это следует из понимания добродетели как совершенства в выполнении некоторой социальной функции); — определение достоинства личности в соответствии с ее практическими достижениями; — моральное воспитание в единстве с целостным социальным развитием личности; — рекомендательный характер требований. Требования этики добродетелей не имеют столь категорического характера, как требования этики долга.

«Для этики долга характерны: — утверждение одинакового достоинства всех людей; — универсализм; — любовь как новый принцип социальной связи, идеал собственного совершенства и модель совершенного отношения к другим (требование любить ближнего как самого себя становится в христианстве одним из главных моральных принципов); — запрещение использования человека как средства; — категорический характер требований» [Этика 2015: 225].

Большинство специализированных этических и философских теорий, посвященных обоснованию морали и добродетелей, склонны преувеличивать роль психологических факторов в ущерб социальным. Однако в некоторых классических образцах утилитаристской этики за ядро теории принимается польза, путем разграничения добра и зла, и восприятие пользы в качестве основания нравственного долга. Вместе с тем делается оговорка в том, что указание на центральное место категории пользы в этических теориях не позволяет полностью установить специфику нравственного долга.

В дискурсе по проблемам этики и добродетелей авторы до сих пор обращаются к актуальной мысли Дж. Милля по поводу «принципа пользы», который характеризуется как способ определения долга в конкретных ситуациях.

В знаменитом трактате «Утилитаризм» выявление классов правильных и неправильных поступков представляет собой лишь часть предназначения «принципа пользы». «Учение, признающее основанием нравственности полезность или принцип величайшего счастья, — считает Дж. Милль, — оценивает поступки по отношению их к нашему счастью: те поступки, которые ведут к счастью, — хороши, а те которые ведут к несчастью, — дурны» [Милль 1900: 100; Этика 2015: 233].

Мы оставляем в стороне членение «класса добродетелей» на две фундаментальные группы, номинируемые гедонизм и киницизм (аскетизм), когда согласно одной из них достойным смыслом жизни воспринимается наслаждение, а согласно второй — отказ от наслаждений. Люди, исповедующие одну из этих программ, реализуют разные моральные, нравственные практики. Этот немаловажный аспект добро-

детельства, целенаправленно ориентированного на гедонизм или аскетизм, также выведен за скобки нашего исследования.

Дуализм нравственности

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
<...>
Ты и забитая, ты и всесильная,
Матушка — Русь!
Н. А. Некрасов

Великий поэт Императорской России не был ни этнологом, ни социологом, ни культурологом. Однако известная со школьной скамьи поэма «Кому на Руси жить хорошо» вполне могла бы стать в ряды публикаций по сельской социологии и по освещению нравственности и доверия населения в глубинке России. Более чем полтора века тому назад поэт предвосхитил многие современные теории о тесной связи между нравственными основами отечественной культуры и доверием.

ГЛАВА 2

ДОВЕРИЕ ДОБРОДЕТЕЛЬСТВУ И ДОБРОДЕТЕЛЬСТВО ДОВЕРИЯ (ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТИКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГАГАУЗОВ)

Поддавшись обаянию, новизне и концептуальной емкости текстов Френсиса Фукуямы, особенно двум его влиятельным монографиям «Великий разрыв» (2003) и «Доверие» (2004), исследователи ряда стран, в том числе отечественные ученые, став его последователями в изучении ряда выдвинутых им проблем, упустили из поля зрения многозначительный подзаголовок «Социальные добродетели и пути к процветанию» к основному названию его книги. Между тем именно проблема добродетельности (или добродетельства), на мой взгляд, имеет прямое отношение к пониманию доверия и к его проявлению в различных сферах жизнедеятельности людей.

Взаимоотношения между культурой, нравственностью и добродетелями можно выразить, перефразировав крылатую формулу Даниэля Этунга-Манеле: «Нравственность — это мать, добродетели — ее дети»¹ [Харрисон 2002: 29].

Обстоятельная разработка доверия в связи с добродетелями и добродетельством в фолианте Ф. Фукуямы отсутствует, что, вероятно, можно объяснить, во-первых, в его целенаправленном интересе к доверию в сфере экономики, политики и права, и в меньшей степени в сфере этики и философии. Между тем этносоциологические исследования доверия, проведенные ЦИМО ИЭА РАН в ряде регионов России и в странах ближнего зарубежья, выявили значимые связи доверия с категориями этики, морали и нравственности, и прежде всего с классом этических добродетелей добра и справедливости, ответственности и милосердия, стыда и совести, умеренности и щедрости.

Наряду с долгом и ответственностью добродетель и добродетельство выступают показателями индивидуального освоения нравственных ценностей. При этом в отличие от долга и ответственности, имеющих преимущественно «центробежный вектор направленности» по отношению к личности морального субъекта и указывающих на предписанные и запрещенные формы поведения, понятия добродетели

¹ В оригинале формула звучит так: «Культура — это мать, институты — ее дети» [Харрисон 2002 29].

имеют центристский характер. Добродетельность как синтетическая этическая категория выявляет особое интегральное качество личности, являющейся нравственной целью человека, или свойство личности, без которого та не может считаться моральной, успешно социализировавшейся, совершенствующейся личностью [Этика 2015: 170—171].

В теоретическом смысле добродетели как морально значимые характеристики и как достояние личности рассматриваются, с одной стороны, как центральный системообразующий элемент морали, а с другой — как основы для исполнения нравственного долга, содержание которого определяется на внешней по отношению к ним основе. В этом случае отдельные добродетели выступают как приводные ремни осуществления нравственных принципов и как гаранты доверия к исповедующим их личностям, в том числе в реализации этических принципов в бытовой и официальной жизнедеятельности.

Согласно теории справедливости, разработанной Дж. Ролзом, добродетели представляют собой «сильные и нормально действенные желания поступать согласно принципам правильности», а также «чувства и привычные установки, направляющие нас к правильным, основанным на принципах действиям» [Ролз 1995: 382—383; Этика 2015: 171].

Как для социологии этики, так и для антропологии доверия имеют фундаментальное значение два основных вопроса морали: «Что мне следует делать?» и «Каким человеком мне следует быть?», чтобы доверяли и считали моральным, нравственно совершенным («оснащенным») человеком.

Руководитель авторского коллектива учебника «Этика» академик РАН А. А. Гусейнов считает, что «этические добродетели (мужество, умеренность, щедрость и др.) отличаются как от природных свойств человека, аффектов, так и от качества его ума (динамических добродетелей)». Анализируя значение терминов «этика», «мораль», «нравственность», академик А. А. Гусейнов напоминает о логике Аристотеля, согласно которой мыслитель древности «отталкиваясь от слова “этос” в значении характера, внутренней природы, права, образовал прилагательное “этический”, или “этосный” — относящийся к этосу. Им он обозначил особый класс качеств, относящихся к характеру человека, описывающих его совершенное состояние — этические добродетели» [Этика 2015: 11].

Лидирующие позиции в изучении феномена доверия в постсоветское время заняли психологи России, значительно опередившие в разработке концептуальных основ и особенно методико-процедурных подходов в изучении доверия представителей других отраслей гуманитарного знания. Пожалуй им в большей степени, чем экономистам, философам, социологам, принадлежит приоритет в эмпирическом выявлении различных критериев, факторов, видов и типов доверия, в теоретическом осмыслении «дефицита доверия» как социально-психологического феномена, накатившего на российское общество под влиянием развала Советского Союза.

В предметной области и в проблематике зародившейся полвека тому назад в стенах Института этнографии АН СССР этносоциологии феномен доверия—недоверия изучался на примере поведенческих, ментальных и психосоциальных отношений между представителями различных национальностей в различных регионах стран среди титульных народов и представителей национальных меньшинств. Без особой опоры на концепции доверия—недоверия производились замеры позитивного и/или негативного отношения людей к межэтническим бракам, к соседям по дому, к коллегам по работе, к конкретному или абстрактному начальству, учреждению или

ведомству. При этом, ясное дело, если опрашиваемые одобряли браки своих детей с человеком другой национальности, сам факт одобрения вполне можно было интерпретировать как доверие.

Учитывая откровенный характер выявленного позитивного отношения к конкретным людям, родственникам, соседям, профессиям, партиям или общественным деятелям, можно без риска ошибиться считать их фактами доверия. Не случайно в ходе этносоциологических исследований была высказана гипотеза о том, что при заключении брака с человеком другой национальности требуется основательная проверка своих чувств и чувств брачного партнера, чтобы решиться на выбор своей судьбы. Вряд ли одобряемые выборы событий, героев, фрагментов истории могли быть сделаны без доверия. Следовательно, важнейшим постулатом, т. е. фактом, который можно было считать доверием, выявленным в имплицитной форме, служил этносоциальный подход. Каждое такое явление, несущее в себе элемент этничности или фиксирующее этническую принадлежность человека, события или факта истории и культуры, не могло истолковываться только как этническое или социальное, так как они имели в своей основе психосоциальную природу. Важнейшим вкладом этносоциологических программ и методико-технических процедур в изучение доверия стал учет внешних факторов его проявления: образовательного уровня и профессиональной занятости, семейного статуса и карьерного продвижения на основных этапах жизненного цикла. Вторым теоретическим основанием этносоциологов в выявлении доверия был личностный подход, при котором позитивное или негативное отношение, не всегда интерпретируемое, но подразумеваемое как отношение доверия—недоверия, рассматривалось как качество личности или готовность человека проявлять доверие—недоверие как ответственного за свои действия и поступки, способного самостоятельно принимать решения исходя из имеющейся у него позиции.

Особую ценность выявленные и социологически измеряемые установки людей в форме позитивной—негативной оценки тех или иных социальных явлений представляли для понимания доверяющего или недоверяющего человека как самоопределяющегося субъекта, способного на поиски оптимальных выборов и решений.

Важным условием определения рационального, эмоционального и психосоциального выбора в плане доверия—недоверия служила соотнесенность человека со средой его обитания, местом его работы и отдыха, в соответствии с характерным для этносоциологии комплексным и системным подходом. При этом слабое внимание уделялось весьма трудоемкому, но оправданному с точки зрения доверительности объекту и предмету изучения — выбору совокупности опрашиваемых лиц и социальных объектов, по отношению к которым производился замер позитивного или негативного отношения, или опять же иными словами — доверия или недоверия.

Методически надежным основанием этносоциологического обследования и исследования доверия принято считать трехчленную формулу «знание—поведение—отношение» человека к тому или иному социальному объекту, первоначально разработанную на примере языковой компетенции и психологических attitudes, что позволяло выявлять степени доверия—недоверия к различным аспектам жизнедеятельности человека.

При фиксации и осмыслении позитивных и негативных оценок личностных и социальных явлений слабее всего в программах и проектах этносоциологических исследований учитывались глубина залегания в человеке нравственных и моральных качеств, усвоенных им из резервуара традиционной культуры того народа, к которому он принадлежал.

Важный в теоретическом плане прорыв в этом плане сделал известный кабардино-балкарский этнолог, директор Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН Барасби Бгажноков в монографии «Основания гуманистической этнологии» (М., 2004). В разработанной им концепции эмпатии [Бгажноков 2003: 334—344] он предложил философскую по сути концепцию различных нравственных качеств, свойств, состояний человека, формируемых институтами и принципами, идеалами и нормами, правилами, которыми руководствуется человек в повседневной жизни.

Солидаризируясь с мыслями и рефлексиями Б. Бгажнокова о регулятивной роли нравственных и моральных норм, взятыми им из фольклора и произведений устного народного поэтического творчества, а также собранными им во время его личных полевых наблюдений жизнедеятельности северокавказских народов, я готов согласиться с ним, а также с А. Б. Купрейченко и А. Л. Журавлевым, что проблема нравственности и нравственно-психологической регуляции социальной активности на личностном и групповом уровне представляется актуальной не только для этической психологии [2012: 10—11], но и для этнологии, антропологии и этносоциологии.

Но если нравственно-этические факторы представляют важный интерес для изучения доверия—недоверия, возникает вопрос, почему это осталось белым пятном в обширной литературе по исследованию доверия—недоверия, особенно если удалось распознать регулятивную роль доверия—недоверия в процессах категоризации личностного социального окружения и своего места в нем?

Ответ, на мой взгляд, лежит в недооценке или в недостаточном внимании исследователей доверия—недоверия к этноязыковым смыслам этничности и прежде всего к понятиям, на различных языках отражающим морально-нравственную нагрузку добродетелей и добродетельности в арсенале исторически наработанной традиционной культуры конкретных народов.

Между тем в понятиях, отражающих добродетели институтов и принципов, норм и правил поведения, таких как гостеприимство, человечность, ответственность, покровительство, попечительство, уважительность, толерантность, сочувственность, отражены обязанности и долги человека перед самим собой, перед семьей и коллегами, перед своим народом, отечеством и государством.

Мне представляется уместным приведенный перечень добродетелей как личностных качеств, которым несть числа, ожидаемых от людей в коммуникационных процессах, назвать добродетельством. Можно еще раз, обратившись к метафоре В. Овчинникова из его ставшей знаменитой «Ветки сакуры», назвать добродетели и добродетельство «Грамматикой жизни».

Стратегия и тактика доверия во многом связана с существующими в каждом конкретном социуме системами нравственности, морали и этики, воспринимаемыми обыденным сознанием синонимически. Поэтому без риска ошибиться можно «золотому правилу нравственности» как одной из древнейших и общепризнанных категорий морального закона следовать и в реализации и культивировании доверия. «Золотое правило», как считают специалисты по философии и этике, возникло в середине I тысячелетия до н.э. и фигурировало в различных терминологических оболочках. Нынешнее наименование оно получило в Новое время. Его полная и развернутая дефиниция обнаруживается в Евангелии от Матфея. «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [Мф: 7, 12].

Большинство категорий этики, подобных шпаргалке, подсказывающей, как себя вести в различных жизненных ситуациях, и имеющих характер поучения или на-